

ВТОРОЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОЕ СОВЕЩАНИЕ АРХЕОЛОГОВ И ЭТНОГРАФОВ

29 октября — 4 ноября 1956 г. в Сталинабаде состоялось совещание по вопросам археологии и этнографии Средней Азии и Казахстана, явившееся ярким показателем творческого содружества ученых — археологов и этнографов — центральных и республиканских научных учреждений. Это очередное, второе Среднеазиатское совещание, как и первое, состоявшееся в Москве в 1955 г.¹, было организовано Институтом этнографии и Институтом истории материальной культуры АН СССР при содействии Совета по координации и Отделения исторических наук Всесоюзной академии; в его организации приняли деятельное участие Академия наук, правительство и ЦК КП Таджикистана. На совещание съехалось более 50 делегатов — из Москвы и Ленинграда, от академий наук, университетов, музеев и других научных учреждений всех среднеазиатских республик и Казахстана. Кроме того, в работе совещания приняло участие свыше 60 человек, представлявших Академию наук, вузы и научную общественность Таджикистана.

Совещания ученых, работающих в области археологии и этнографии Средней Азии и Казахстана, за последние годы становятся традиционными. Роль археологических и этнографических материалов в разработке многих проблем истории народов Средней Азии очень велика; в частности, это касается изучения истории хозяйства (иригации, земледелия, ремесла) этих народов, истории их материальной культуры, искусства, общественного строя, наконец, сложных вопросов их этногенеза. Вместе с тем современный уровень развития исторической науки требует тесной кооперации научных учреждений разных республик для совместной разработки и обсуждения важных и актуальных общих проблем. Так, на обсуждение первого совещания археологов и этнографов были поставлены проблемы истории иригации, истории кочевых племен эпохи рабовладельческого строя, некоторые вопросы их этногенеза. Вместе с тем современный уровень развития исторической науки требует тесной кооперации научных учреждений разных республик для совместной разработки и обсуждения важных и актуальных общих проблем. Так, на обсуждение первого совещания археологов и этнографов были поставлены проблемы истории иригации, истории кочевых племен эпохи рабовладельческого строя, некоторые вопросы их этногенеза. Вместе с тем современный уровень развития исторической науки требует тесной кооперации научных учреждений разных республик для совместной разработки и обсуждения важных и актуальных общих проблем. Так, на обсуждение первого совещания археологов и этнографов были поставлены проблемы истории иригации, истории кочевых племен эпохи рабовладельческого строя, некоторые вопросы их этногенеза.

Второе совещание в значительной степени явилось продолжением первого; в его повестку были включены доклады по следующим проблемам: 1) Общественный строй степных племен Средней Азии в античный период; 2) История иригации и земледелия у народов Средней Азии; 3) Внешнеэкономические и культурные связи народов Средней Азии с другими странами; 4) Среднеазиатский город и ремесло; 5) Патриархально-феодалные отношения у оседлых и полукочевых народов Средней Азии; 6) Религиозные пережитки в мировоззрении и быту народов Средней Азии и их роль в современной жизни. Кроме того, два заседания были посвящены ознакомлению делегатов с новейшими достижениями археологов и этнографов в Таджикистане, сделавших 7 докладов и развернувших к совещанию в Музее Академии наук Таджикской ССР интересные выставки новых материалов. Наконец, совещание обсудило ряд научно-организационных вопросов, касающихся совместной работы над капитальными трудами, запланированными Институтом этнографии: Среднеазиатским томом серии «Народов мира» и Историко-этнографическим атласом Средней Азии и Казахстана. Всего на 11 заседаниях было заслушано и обсуждено 30 докладов и несколько сообщений.

* * *

По проблеме «Внешнеэкономические и культурные связи народов Средней Азии с другими странами» было заслушано три доклада. Сношения Средней Азии с Индией в эпоху позднего средневековья был посвящен доклад А. А. Семенова (АН ТаджССР) «К вопросу о культурно-поли-

¹ Обзор работы Среднеазиатского совещания 1955 г. см. «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 117—125. Заслушанные на совещании доклады в сокращенном виде опубликованы в «Кратких сообщениях Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVI, М., 1957.

тических связях Бухары и «великомонгольской» Индии в XVII в.». Помимо самой темы, доклад А. А. Семенова вызвал особый интерес, так как автор в своем исследовании использовал исторические источники, впервые введенные им в научный оборот.

Еще в XV в. существовали довольно оживленные культурные и дипломатические связи между империей тимуридов и Индией. Завоевание Средней Азии в начале XVI в. кочевыми узбеками нарушило эти связи, но примерно с 30-х гг. того же века начинается их восстановление, в первую очередь за счет общения в области литературы и искусства. Во второй половине века восстанавливаются дипломатические сношения между правителями Средней Азии — шейбанидами и империей «великих моголов». Большее оживление в дипломатических, военных и культурных связях Средней Азии с Индией принес XVII век. Источник того времени, излагая историю правления аштарханида Имам-кули-хана (1611—1642), отмечает существование в гор. Бухаре большой колонии индусов-немусульман, живущих в особом квартале. Сообщив о происходивших в XVII—XVIII вв. событиях военно-политического характера, то нарушавших, то вновь восстанавливавших связи между этими двумя странами, докладчик довел изложение до XIX в. включительно, т. е. до того времени, когда перестали существовать империя «великих моголов», а затем и среднеазиатские ханства и на смену прежним сношениям между двумя большими восточными империями пришли сношения между Россией и Англией.

С докладом на тему «К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами» выступил В. А. Шишкин (АН УзССР). Дореволюционная историческая наука, сказал он, не располагала теми данными, которые, благодаря современным достижениям археологии Средней Азии, позволяют судить о богатой и самобытной культуре среднеазиатских народов. Отсюда происходила и недооценка культурного развития этих народов, отношение к Средней Азии то как к глухой провинциальной периферии Ирана, то как к стране, культура которой складывалась под влиянием эллинистической, а позднее — арабской культуры. Этот взгляд прочно держался и держится еще и в настоящее время в среде некоторых буржуазных ученых. Замечательные открытия советской исторической и особенно археологической науки в Термезе, Хорезме, Бухарском оазисе, в Киргизии и Казахстане, в Таджикистане и в Южной Туркмении показали, что народы Средней Азии обладали высокоразвитой самобытной культурой, во многом отличной от культуры окружающих народов. Однако культуру эту не следует рассматривать изолированно, вне ее обширных связей, уходящих своими корнями в глубокую древность.

В эпоху неолита и бронзы огромное значение имело расселение родственных племен и распространение родственных культур на обширной территории. Вовлечение Средней Азии в орбиту эллинистических влияний в период македонского завоевания оставило глубокие следы, прежде всего в области искусства. Ярким свидетельством этого являются и Айртамский фриз, и самаркандские терракоты, и мраморная статуя из Нисы, и, наконец, отголоски эллинистических мотивов в таком относительно позднем памятнике, как Варахша. С другой стороны, черты художественного стиля, сложившегося в Гандхаре и Бактрии, прослеживаются в Китае и даже в Японии. Следует, однако, иметь в виду, что эллинистические образы и мотивы получили в искусстве Средней Азии своеобразное претворение, глубоко отличающее его от искусства не только самой Греции, но и всего эллинистического мира. Почвой, которая питала это искусство, было возникшее и развивающееся рабовладение.

В период кушанского, а затем эфталтского господства крепнут и развиваются культурные связи Средней Азии с Индией. Ясные следы этих связей носит, например, роспись «Красного зала» Варахши (VII в. н. э.). Связи с Китаем начались, по-видимому, раньше открытия «Западного края» Чжан-Цянем (II в. до н. э.), но основой их интенсивного развития явился знаменитый «шелковый» путь. Жители Средней Азии заимствовали из Китая некоторые приемы металлургии, шелк, писчую бумагу, фарфор, произведения искусства. С другой стороны, китайские источники засвидетельствовали заимствование из Средней Азии таких важных сельскохозяйственных культур, как виноград и люцерна, китайские мастера через согдийских купцов восприняли искусство изготовления цветного стекла. Китайцы были учениками самаркандских астрономов школы Улугбека, персонажи среднеазиатского эпоса «Шах-Намэ» нашли свое отражение в китайской литературе.

Далее докладчик обращается к связям с Ираном, подчеркнув при этом свое полное несогласие с сохраняющейся еще за рубежом традицией рассматривать древнюю историю Средней Азии вместе с историей Ирана, как часть последней.

Примером тесного взаимодействия культуры среднеазиатских и других народов может служить встречающаяся в Варахше и в Балалык-тепе роспись стен в виде декоративной ткани с изображением птиц и головы кабана в кругах, обрамленных цепочкой перлов. По установившейся традиции этот орнаментальный мотив принято считать «сасанидским». Однако он встречается не только в Иране, но и в тканях коптского Египта и Византии, обнаружен он Стейном в Восточном Туркестане, в стенных росписях Кызыла и т. д. Надо полагать, что среднеазиатские и восточнотуркестанские образцы — среднеазиатского происхождения. Вместе с тем столь широкая распространенность этого мотива убедительно говорит о существовании обширнейшей цепи связей, одним из звеньев которой являлась Средняя Азия.

Высокая культура народов Средней Азии, существовавшая до арабского завоевания, была разрушена арабами, но не могла быть ими уничтожена, и со второй полови-

ны XIV в. она возродилась и блестяще расцвела. Однако возродилась она уже на новой основе. За это время большого развития достиг феодальный способ производства. Между отдельными государствами «мусульманского мира» происходили оживленные сношения, что сильно повлияло и на культурный обмен между ними; этому в немалой мере способствовало широкое распространение арабского языка в странах Востока. На этом основании культура всех этих стран часто неправильно называлась «арабской», хотя собственно арабы принимали в ее развитии относительно небольшое участие, тогда как первое место здесь занимали представители народов старой культуры и среди них — народы Средней Азии, выдвинувшие таких гениальных ученых, как Фараби, Хорезми, Абу-Али-ибн-Сина, Бируни, поэтов Рудаки и Фирдоуси. Большое сходство наблюдается и в области архитектуры, изобразительных искусств и т. д., однако всегда можно выделить отдельные местные школы со своей традицией, своими художественными вкусами и стилем.

Более частной теме, связанной с изучением керамических материалов, был посвящен доклад Н. Н. Вактурской (Ин-т этнографии АН СССР) «Культурные связи Хорезма с Китаем по материалам средневековой керамики (XI—XVII вв.)». Завоевание Хорезма монголами и включение его в состав обширной монгольской империи наряду с целым рядом отрицательных последствий имело и некоторые положительные результаты; в частности, оно облегчило связи Хорезма с другими странами Азии, в том числе и с Китаем. Именно в это время в Хорезме появляются китайские селадонные сосуды и их имитации, выполненные хорезмийскими мастерами. Войдя в конце XIV в. в состав государства тимуридов, Хорезм значительно расширил свои связи с Китаем. Раскопки жилых и торгово-ремесленных кварталов Таш-калы (Ургенч) дали богатую коллекцию китайских изделий Минской эпохи. Кроме того, здесь найдено много керамических изделий, являющихся местным подражанием китайским. Так, в слое с монетами XVI—XVII вв. обнаружены гончарные изделия, подражающие китайским фарфорам типа «кобальт», некоторые орнаментальные мотивы на керамических изделиях также несут следы заимствования из Китая. Все это свидетельствует о безусловном влиянии Китая на культуру позднесредневекового Хорезма. Пути проникновения этих влияний связаны, прежде всего, с оживленными торговыми сношениями между Хорезмом и Китаем в это время, осуществлявшимися по караванному пути, который в средние века соединял Восточную Европу с Китаем, проходя через Ургенч.

При обсуждении заслушанных докладов А. М. Беленицкий (ЛОИИМК) выразил свое удовлетворение постановкой на данном совещании проблемы культурных связей между народами. Касаясь доклада А. А. Семенова, он отметил, что при весьма слабой изученности эпохи «великих моголов» работы докладчика представляют огромный интерес, тем более, что они основаны на анализе до сих пор не известных исторических источников. В связи с докладом В. А. Шишкина А. М. Беленицкий отметил, что благодаря археологическим открытиям последних лет культура Средней Азии становится в один ряд с блестящими древними цивилизациями Китая, Индии, Ирана, играя при этом не подчиненную, а вполне самостоятельную роль. В качестве одного из многочисленных примеров культурных связей среднеазиатских и других народов А. М. Беленицкий приводит изображение арфистки из росписей Пянджикента, арфа в руках которой очень походит на современный бирманский музыкальный инструмент. С. Р. Раджабов (чл.-корр. АН ТаджССР), отметив важность обсуждаемой проблемы, указал на необходимость разработки вопроса о взаимных исторических и культурных связях народов Средней Азии. Для этого имеются все необходимые предпосылки, ибо, если до недавнего времени считалось возможным воссоздать в лучшем случае лишь историю Средней Азии в целом, то теперь мы можем осветить историю каждого из среднеазиатских народов, тесно переплетенную с историей не только сопредельных стран, но и, в первую очередь, с историей других народов Средней Азии.

С. П. Толстов (Ин-т этнографии) в своем выступлении подробно остановился на вопросе о связях древнего Хорезма в античное время. В зарубежной науке до сих пор имеется тенденция неразрывно связывать историю Средней Азии с историей Ирана, считая первую зависимым компонентом второй. Однако изучение памятников этого времени на территории Средней Азии говорит лишь о незначительном влиянии иранской культуры на местную среднеазиатскую. Это относится, в частности, и к Хорезму.

В конце VI в. до н. э. почти вся Средняя Азия вошла в состав державы ахеменидов. В рамках этой державы создавалась возможность культурного обмена между входившими в ее состав народами — египтянами, населением Малой Азии, греками и народами Средней Азии. Известно, что хорезмийцы в составе ахеменидского войска участвовали в греко-персидских войнах, что они были в Египте в составе гарнизона персидской крепости в Элефантине, что согдийская и другие письменности сложились на базе сирийского алфавита, который был широко распространен на территории ахеменидской державы, и т. д.

Другая линия связей — с Индией — выявляется для I в. до н. э. благодаря находке при раскопках Кой-Крылган-калы статуэтки обезьянки с детенышем, которая, несомненно, была привезена сюда из Индии. Но наиболее мощно эти связи проявляются в период вхождения Средней Азии в состав империи Великих кушанов. Историческая и культурная традиция сохранила до наших дней пережитки взаимовлияний этих областей. Это особенно относится к современной среднеазиатской музыкальной культуре, имеющей много точек соприкосновения с индийской.

Открытия Чжан-Цяня в Средней Азии способствовали установлению культурных связей между этой страной и Китаем.

С. П. Толстов присоединился к мнению С. Р. Раджабова о необходимости исследования связей между отдельными среднеазиатскими народами и, со своей стороны, предложил обратить пристальное внимание на изучение древних и средневековых культурных связей Средней Азии с Восточной Европой, в частности, — с народами северного Причерноморья.

Следующая серия докладов была посвящена проблеме «Среднеазиатский город и ремесло». Е. А. Давидович (АН ТаджССР) в своем докладе «Некоторые моменты развития города, ремесла и денежного обращения в Средней Азии в XI—XII вв.» попыталась дать конкретно-историческую характеристику основных явлений денежного обращения в этой стране в указанное время. В литературе имеются лишь самые общие и очень краткие сведения о денежном обращении на Востоке, начиная с XV в., причем внимание нумизматов и историков в первую очередь привлекло явление, размах и длительность которого дали основание назвать его «серебряным кризисом». Сущность этого явления исследователи видели в порче, а затем и совершенном исчезновении серебряных монет, вызванном большим отливом серебра в Восточную Европу в предшествующее время, а также истощением рудников и, возможно, некоторыми политическими событиями этого периода. Докладчик поставил перед собой три задачи: 1) установить общую картину состояния серебряных запасов в Средней Азии периода «серебряного кризиса» и проследить конкретные формы порчи серебряных монет, привлекая для этого данные химического анализа; 2) охарактеризовать все виды монет из разного металла, обращавшихся в это время, выяснив основную специфику внутрисоциального денежного обращения и новые по сравнению с предшествующим периодом явления; 3) поставить и попытаться разрешить вопрос о причинах, определивших характерные черты и новые явления в монетном чекане и денежном обращении в Средней Азии в период «серебряного кризиса». Анализ использованного материала показал, что состояние серебряных запасов в Средней Азии было лишь общей предпосылкой для возможных изменений в чекане и обращении; основной же и непосредственной причиной наиболее ярких и новых явлений денежного обращения в Средней Азии с XI в. (в том числе и так называемого «серебряного кризиса») было экономическое состояние страны, характеризующееся бурным ростом городов, товарного производства и денежной торговли.

В докладе Б. А. Литвинского (АН ТаджССР) «Среднеазиатский горный промысел в средние века (IX—XII вв.)» были затронуты вопросы, связанные с историей и эксплуатацией горных выработок, причем в основу доклада легли результаты последних работ автора. Одной из крупнейших в Средней Азии является Кани-Мансурская группа древних рудников, расположенная в восточной части Кара-Мазарских гор. Не менее крупным является и Кони-Гут, находящийся в северо-восточной части Туркестанского хребта. Здесь, в частности, было обнаружено рудничное поселение с кое-где сохранившимися фундаментами построек IX—XII вв. Однако беспорядочность проходки, испещрение недр запутанной системой ходов сильно затрудняют датировку отдельных выработок, хотя совершенно ясно, что они существовали не одновременно. Как явствует из приведенных докладчиком данных, проходка велась при помощи клиньев, кирок и кайл, а также металлических и каменных молотов и кувалд. Применялся и огневой способ добычи руды. Крепления были деревянными; к настоящему времени выявлено пять типов таких креплений. Рудники освещались глиняными чирагами. Спуск и подъем рудокопов, а также вынос руды осуществлялись по наклонным ходам, иногда вырубались ступеньки. При проходке шурфов и вертикальных шахт подъем руды осуществлялся вытравливанием вручную или с помощью животных; с применением блока или ворота. В Канджоле на глубине 155 м был обнаружен наиболее крупный из найденных до сих пор воротов. Для разборки и дробления руды наряду с металлическими и каменными молотками употреблялись зернотерки, жернова, специальные дробильные устройства, а также особые каменные плиты. В необходимых случаях прибегали и к промывке. Для плавки руды служили, видимо, крупные наземные печи с искусственным дутьем. Очень часты находки фрагментов керамических сопел.

Доклад П. Н. Кожемяко (АН Киргизской ССР) «Топография средневековых поселений Чуйской долины» был посвящен одному из дискуссионных вопросов в истории и археологии Средней Азии — истории возникновения и развития среднеазиатского города. После краткой историографической справки докладчик описал группу 19 городищ, окруженных одним или несколькими рядами длинных валов. Первые кольца окружают огромные площади со следами застройки, вторые и последующие — площади, не имеющие признаков застройки. Застройка состоит из описываемого бугра — арка и ряда всхолмлений, представляющих собой остатки отдельных усадеб и целых уличных кварталов. Валу, окружающие застроенную площадь, имеют периметр от 7 до 15 км, окружающие незастроенную площадь, представляют собой самостоятельное кольцо длиной до 30 км. Полемизируя с А. Н. Бернштамом, который считал эти валы городскими оборонительными сооружениями, возведенными в XIV в. Тимуром с целью использования их в качестве крепостей, докладчик выдвинул свою точку зрения. Прежде всего, длинные валы в несколько рядов присущи лишь поселениям, расположенным в районах, лежащих к западу от Ташкентского оазиса, начиная от Старого Сайрама, и входившим в период сложения средневековых городов Мавераннахра (IX—X вв.)

в государственное объединение кочевых народов — тюркешей и карлуков. Судя по застройке внутри первых валов, нельзя разделить городища с длинными стенами на поселения городского и сельского типа. Вероятнее всего, что здесь жили и торговцы-ремесленники, и земледельцы, причем торговля и ремесло, вероятно, сочетались с занятием сельским хозяйством. Внешние валы, как можно видеть на примере Сайрама, окружали земельные угодья жителей поселений. Такое укрепление поселений было обусловлено феодальной раздробленностью и наличием удельной системы, а совместное проживание торговцев, ремесленников и земледельцев можно объяснить возникновением и развитием оседлых поселений в кочевой среде. Наконец, не все эти поселения возникли одновременно, причем самые ранние из них относятся не к XIV, а к IX в.

Совещание заслушало также доклад Н. Н. Негматова (АН ТаджССР) «Из истории позднесредневекового Ходжента». Используя археологический материал, добытый при раскопках в нескольких районах Ходжента (ныне Ленинабад), для выяснения вопросов о его территории в XVI—XVII вв., о времени его экономического расцвета и об окружавших его сельских поселениях и крепостях, Н. Негматов широко привлек и этнографический материал и с помощью сведений, сообщенных ему стариками-ходжентцами, восстановил облик этого города в XVIII—XIX вв. Определены его прежняя планировка внутри черты городских стен, расположение 90 городских кварталов — махалля, двух базаров, 140 мечетей и мазаров, прежний вид ныне развалившейся цитадели. На основании анализа городской топонимики и распросов населения воссоздана картина ремесленно-торговой жизни города — расположение дровяного, конского, бараньего рынков, кварталов прядильщиков и ткачей, теребильщиков хлопка, шелкоматоальщиков, гончаров, кузнецов, ювелиров и др. Выяснилось, что из 90 городских махалля свыше 20 занимали ремесленники и торговцы. На основании археологических и этнографических материалов, дополненных историческими источниками, докладчик делает вывод о правоте тех историков, которые считают необходимым пересмотреть имеющуюся в литературе точку зрения о распространении на все области Средней Азии в XVIII — начале XIX в. острого экономического кризиса. В частности, для Ходжента и его округа характерны в этот период оживленная экономическая жизнь и даже освоение, правда в небольшом количестве, ранее пустовавших присырдарьинских земель.

О. А. Сухарева (АН УзССР), выступившая с докладом на тему «К истории городов Бухарского ханства в XIX — начале XX в.», осветила некоторые результаты своих многолетних историко-этнографических исследований по быту городского населения главных центров бывшего Бухарского ханства — Бухары, Карши и Шахрисабза. Во время своих работ О. А. Сухарева сосредоточила основное внимание на изучении своеобразного, сохраняющего древние традиции, замкнутого быта городского квартала — махалля, придя к выводу, что этот метод исследования является ключом к изучению прошлого городского быта. Сведения, сообщаемые местными жителями по истории своих кварталов в XIX — начале XX в., отличаются большой точностью; путем сопоставления и сводки этих данных докладчику удалось собрать обширный историко-этнографический материал, в частности, по установлению прежних размеров городов и характера их планировки, по вопросам численности и этнического состава их населения. Подвергнув критическому анализу скудные и разноречивые статистические данные о численности населения городов ханства, имеющихся в дореволюционной исторической литературе, О. А. Сухарева противопоставила им собранные ею уточненные сведения, убедительно доказав их большую научную достоверность. В частности, путем устных распросов жителей ей удалось выяснить, как изменились численность и социальный состав населения Бухары после революционных событий 1920 г., когда придворная знать и крупное купечество вместе с эмиром бежали из города, а многочисленные ремесленники, рабочие-водоносы и другое трудовое население, занятые до этого обслуживанием пышного ханского двора и городских усадеб феодальной знати и купечества, стали менять свои профессии; народная власть республики занялась их трудоустройством, что вызвало некоторые перемещения населения города. В последней части своего доклада О. А. Сухарева остановилась на особенностях развития процессов национальной консолидации в XIX — начале XX в. в условиях среднеазиатских городов с их сложным этническим составом.

И. Джаббаров (АН УзССР) сделал доклад «Об ученичестве в ремесленных цехах Средней Азии в конце XIX — начале XX в.», построенный на материалах, собранных им в Хорезмской области во время полевых этнографических работ 1952—1953 гг. Он охарактеризовал пережитки цехового строя в ремесле Хорезма, сохранение должностей главы цеха («калантар»), мастера («уста»), подмастерья («хальфа») и учеников («шагирд»). Взаимоотношения между членами цеха были узаконены традициями, переходившими с давних времен из поколения в поколение. Докладчик подробно остановился на описании условий и обычаев приема учеников мастерами цеха, их тяжелой судьбы в течение длительного периода ученичества, сложных обрядов посвящения, соблюдавшихся при переводе учеников в подмастерья. И. Джаббаров пришел к выводу, что ученики — шагирд были самой бесправной и угнетенной частью ремесленного сословия Средней Азии. Они, как и часть подмастерьев, стали той средой, из которой пополнялись ряды местного рабочего класса в начале XX в.

Доклады по истории среднеазиатского города и ремесла, как и предыдущие, вы-

звали оживленное обсуждение. В прениях выступило 10 человек. Касаясь докладов, построенных на археологическом материале, выступавшие высоко оценили исследования, проводимые Б. А. Литвинским по истории средневекового горного промысла Средней Азии; эти работы, заметил С. П. Толстов, бесспорно, вызовут большой интерес не только у историков и археологов, но и у специалистов по горному делу. С одобрением был встречен также доклад Е. А. Давидович. Этот доклад, сказал В. А. Шишкин, показывает, какие важные наблюдения можно сделать, используя нумизматический материал, в особенности в отношении малоизученных вопросов развития хозяйственной жизни, в частности городов средневековой Средней Азии. Между тем нумизматика до сих пор еще непростительно мало привлекается нашими историками в качестве источника. В. А. Шишкин высказал свои соображения о некоторых социальных причинах, могущих объяснить выявленные Е. А. Давидович рост городов и резкий подъем городской жизни в XI—XII вв. По этому вопросу высказался С. П. Толстов, отметивший, что одной из важных причин оживления городских рынков в XI—XII вв. могло быть интенсивное передвижение кочевых племен и народностей; тот факт, что значительные массы кочевников поселяются вокруг городов, включаются в экономическую жизнь страны, по всей вероятности, должен был сильно повлиять на рост внутреннего рынка.

При обсуждении доклада Н. Н. Негматова В. А. Шишкин не согласился с некоторыми выводами докладчика. По его мнению, нельзя было, основываясь только на росте территории Ходжента в XVIII в., говорить о неправомерности трудов историков, утверждающих, что в этот период по всей территории Средней Азии распространился экономический кризис. Естественный прирост населения городов происходил, по его мнению, независимо от феодальных войн и от хозяйственного кризиса. Кроме того, от феодальных войн страдали не столько города, сколько сельские местности; возможно, что рост городов в этот период отчасти обусловлен переселением сельских жителей под защиту городских стен. Во всяком случае, вопрос о характере распространения хозяйственного кризиса XVIII в. не может решаться на основании истории одного города, тут нужны данные, охватывающие всю Среднюю Азию. В. А. Шишкину возражал Б. А. Литвинский, напомнивший, что вопрос о характере кризиса XVIII в. ставился в 1954 г. на Ташкентской сессии по вопросам дооктябрьской истории Средней Азии и вызвал споры, причем О. Д. Чехович привела ряд фактов, свидетельствующих о прогрессивном развитии экономики и культуры некоторых районов Средней Азии в этот период. Очевидно, кризис не был повсеместным явлением, в частности, Ходжент вполне мог в это время избежать общего упадка, сохранить уровень своего хозяйственного развития и даже расширить свою территорию. Коснувшись доклада О. А. Сухаревой, Б. А. Литвинский, как и другие участники обсуждения, указал, что докладчица, являющаяся лучшим знатоком истории дореволюционной Бухары и ее населения, сделала много наблюдений, важных не только для этнографов, но и для археологов и историков. Заслуживают внимания ее доводы, утверждающие, что численность населения средневекового Мерва, Самарканда и других городов Средней Азии сильно преувеличивается в исторической литературе. В других выступлениях по докладу О. А. Сухаревой отмечалась ценность собранных ею материалов по этническому составу населения городов Бухарского ханства, однако много споров вызвали методы выявления процессов национальной консолидации, происходивших в среде городского населения после революции; было признано, что при исследовании этой сложной проблемы следует помимо этнографических наблюдений привлекать более широкий и разносторонний круг источников, в первую очередь исторических и лингвистических. Поставленная О. А. Сухаревой важная проблема процесса национальной консолидации, до сих пор не вполне завершившейся в условиях Средней Азии, требует специального изучения.

Немало споров вызвал и доклад И. Джаббарова. Некоторые из выступавших (Б. Х. Кармышева и другие) высказали мнение, что в докладе чрезмерно преобладает описательный материал. И. Джаббаров, по их мнению, недостаточно углубленно исследовал и не обобщил собранные им сведения, не поставил теоретических вопросов, касающихся пережитков цеховой организации в среде ремесленников Хорезма. Е. М. Пещерева возражала, указав, что по истории ремесла в Хорезме до сих пор нет публикаций и трудно всячески приветствовать начинание Джаббарова, собирающего ценный материал по этой теме. Однако при изучении ремесла ему следует учесть ряд обстоятельств. Различный характер имеют пережитки цеховой организации в городах и мелких населенных пунктах; различна устойчивость этих пережитков в разных цехах — если в некоторых ремеслах сохраняется много патриархальных черт, то в другие уже давно стали проникать капиталистические отношения, там применялся труд наемных работников. При описании положения учеников докладчик местами излишне сгустил краски (эксплуатация шестилетних детей и пр.). Не вполне ясно описан обряд посвящения учеников в подмастерья. Следует также пожалеть, что И. Джаббаров не привлек достаточного сравнительного материала по изучаемому вопросу, относящегося к другим ремесленным центрам Средней Азии. С некоторыми положениями этого доклада не согласилась и О. А. Сухарева, отметившая, что И. Джаббаров неверно определяет положение подмастерья «хальфа» как свободного наемного рабочего капиталистического типа. Докладчик не вскрыл феодальных форм эксплуатации ремесленников в начале XX в., в частности, личного закабаления хальфа путем своеобразной формы закупничества — системы «бунак», авансов, выдававшихся мастером своему подмастерью. При

уходе от мастера он был обязан возвратить бунак, что, как правило, бывало очень затруднительно; практически хальфа не мог освободиться от кабалы и уйти к другому мастеру, в другой цех.

В целом, обсуждение докладов по проблеме «История среднеазиатского города и ремесла» показало, что эта тематика чрезвычайно важна и актуальна и требует дальнейшей всесторонней разработки. До сих пор ни археологи, ни этнографы не уделяли должного внимания изучению городской жизни; между тем давно наступило время восполнить этот существенный пробел и развернуть планомерные работы на этом отставшем участке исторических исследований.

Совещание заслушало три доклада, посвященных изучению новой, еще почти не разработанной проблемы — «Патриархально-феодальные отношения у оседлых и полукочевых народов Средней Азии».

Н. А. Кисляков (Ин-т этнографии) в докладе «Патриархально-феодальные отношения в Бухарском ханстве» изложил план разработки этой темы на этнографическом материале, касающемся земледельческого населения (таджиков и узбеков) Восточной Бухары XIX — начала XX в., где в противоположность западным областям ханства остатки патриархального уклада сохранялись очень устойчиво. В землепользовании и землепользовании своеобразие патриархально-феодальных отношений заключалось в том, что при наличии феодальной иерархической собственности на землю большое значение имели общинные порядки и традиции, рассматривающие всякое земельное владение, находящееся в частных руках, как часть общинной собственности, с сохранением преимущественных прав на владение после смерти его хозяина за родственниками, соседями, односельчанами. Значительную роль играла община и в вопросах водопользования. При этом крупная частная собственность на землю господствующего феодального класса была особенно развита в западной части Бухары; в Восточной же Бухаре основной формой эксплуатации непосредственного производителя являлась система ленных пожалований — «танхо». Кроме того, феодальная эксплуатация, маскировавшаяся патриархально-общинной формой, осуществлялась путем использования обычаев «шарики» и «хашар» (родовой и соседской взаимопомощи). Домашние ремесла в значительной степени также сохраняли патриархальный характер, особенно в районах с натуральным хозяйством, где ремесло еще не отделилось от земледелия. Уплата налогов и исправление различных феодальных повинностей нередко облекались в форму патриархально-общинных отношений. Так, некоторые феодальные налоги носили еще следы «добровольных дааний» в пользу соседей, односельчан; уплата налогов обеспечивалась круговой порукой, в выполнении повинностей устанавливалась очередность общинников. Общинно-патриархальные связи играли важную роль в системе низового феодального управления. Патриархальные отношения пронизывали общественную жизнь кишлака, семейную и домашнюю жизнь, что также нередко использовалось господствующим феодальным классом в своих интересах.

Т. А. Жданко (Ин-т этнографии) свой доклад «Новые материалы по патриархальным пережиткам в земельно-водной общине Средней Азии» посвятила анализу патриархальных черт в экономической и общественной жизни полукочевых аульных общин туркмен и каракалпаков в XIX — начале XX в. Основываясь на материале новых историко-этнографических исследований по земельно-водной общине, проведенных за последние годы среди каракалпаков (ею самой) и туркмен (Я. Р. Винниковым), Т. А. Жданко пришла к выводу о наибольшей консервации пережитков патриархальных отношений в мелких родственных группах («коше», «бир ата»), составлявших основу аульной общины и прочно сохранявших многие традиции родового быта. Путем сопоставления этнографических материалов по аульной общине каракалпаков и туркмен с данными новых исследований по кочевым народам (работы С. М. Абрамзона по киргизам), а также по водопользованию и землепользованию у равнинных таджиков (работы Н. Н. Ершова) и у узбеков Хорезма (Г. П. Снесарев) Т. А. Жданко выявила много общих характерных черт в области патриархальных пережитков у этих народов; в частности, совпадают выводы о мелких родственных объединениях как основных очагах старых патриархальных устоев. Т. А. Жданко выразила удовлетворение по поводу высказываний О. А. Сухаревой о необходимости этнографического изучения города путем исследования отдельных мелких кварталов — махалля. В результате своих наблюдений она пришла к подобному же заключению о значительной роли в специфических условиях развития аульной земельно-водной общины Средней Азии мелких родственных объединений, составляющих аул или часть аула; изучение социальной сущности этих групп должно лечь в основу исследования хозяйственной жизни, общественного строя и семьи каракалпаков и туркмен.

Б. В. Андрианов (Ин-т этнографии) в докладе «Социально-экономический строй каракалпаков по данным статистико-экономического обследования Аму-Дарьинского отдела в 1912—1913 гг.» попытался дать картину классового расслоения каракалпакского общества накануне Октябрьской революции. Учитывая недостатки, имеющиеся в сводках и обобщениях статистического материала авторов Переселенческого управления, зачастую скрывавших под средними цифрами подлинный облик социальной структуры населения изучаемого района, Б. В. Андрианов попытался перегруппировать данные статистико-экономического обследования Аму-Дарьинского отдела и выявил этим путем гораздо более острое соотношение классовых сил у каракалпаков этой территории, где патриархально-феодальный строй сочетался со значительным внедрением капиталистических отношений.

Обсуждение данной серии докладов было решено объединить с обсуждением следующей, близкой по содержанию проблемы — «Религиозные пережитки в мировоззрении и быту народов Средней Азии и их роль в современной жизни».

Первый доклад по этой проблеме — «Пережитки древних верований в современном быту таджиков Каратегина и Дарваза» — сделал М. Р. Рахимов (АН ТаджССР). Доклад основан на обширном этнографическом материале, собранном на протяжении многих лет М. Р. Рахимовым, который сам является уроженцем горного Таджикистана. Партия и правительство придают огромное значение делу коммунистического воспитания масс, сказал он; при этом важнейшее значение имеет борьба с бытовыми предрассудками и суевериями, которые в изобилии сохранялись среди почти сплошь неграмотного населения дореволюционного Таджикистана. Особенно сильны были эти предрассудки среди сельского населения горных районов, где религиозные предписания и бытовые суеверия определяли буквально каждый шаг человека. Многие верования и обряды еще до сих пор бытуют среди населения; они сохранились главным образом в обычаях, связанных с рождением детей, со стремлением сохранить жизнь больного ребенка, а также в похоронных и поминальных обрядах. М. Р. Рахимов рассказал о наиболее живучих суевериях и обрядах, распространенных в Дарвазе и Каратегине. Многие из них восходят к анимистическим представлениям, к древним верованиям в злых духов-демонов, вселяющихся в людей и приносящих им вред, болезнь и смерть. Для изгнания их до сих пор применяется ряд магических действий. В некоторых обычаях и обрядах, связанных с животными (волком, лошадей, собак, змей и др.), проявляются пережитки тотемизма. Большое значение в быту имеет почитание мазаров, ведущее свое происхождение от древнего культа предков. До сих пор в реликтовой форме сохранилось почитание камней, деревьев, источников. Таким образом, древние домусульманские верования еще довольно устойчиво живут среди населения, особенно в семьях, где имеются старики и старухи, строго соблюдающие обычаи и традиции, корни которых уходят к верованиям глубокой древности, к магии, анимизму, тотемизму, шаманству и в значительной степени к позднейшей религии — исламу. Изучение пережитков древних верований в современном быту народа, помимо научного, имеет и большое практическое значение, помогает борьбе с ними. Они ограничивают психику человека, задерживают развитие культуры и расширение кругозора людей, зачастую приносят физический вред здоровью, причиняют во многих случаях большой материальный ущерб. Для преодоления и изживания вредных суеверий и обрядов необходимо усилить научно-атеистическую пропаганду, повысить роль медицины в высокогорных кишлаках республики. Не следует надеяться, что эти вредные пережитки исчезнут сами собой; наоборот, если не принимать мер по борьбе с ними, они могут сохраняться еще долго.

Доклад Г. П. Снесарева (Ин-т этнографии) на тему «О некоторых причинах сохранения религиозных пережитков у узбеков Хорезма» был посвящен выяснению специфических в условиях Средней Азии причин бытования пережитков у различных групп населения: в женском быту, у работников кустарно-промысловых объединений, среди сельского населения. Особое внимание докладчика было обращено на реликтовые формы общины, на базе которых создается «общественное мнение», способствующее консервации пережитков и мешающее проникновению положительных влияний в семьи, связанные этим мнением. Заключительная часть доклада содержала выводы о практических мероприятиях, необходимых для преодоления указанных пережитков².

Доклад С. Камалова (Каракалпакский научно-исследов. ин-т экономики и культуры АН УзССР) был посвящен теме: «Пережитки ислама и традиции старого быта у каракалпakov». Докладчик отметил, что осуществленные в Кара-Калпакии социалистические преобразования, повышение благосостояния и культурного уровня трудящихся создали благоприятные условия для дальнейшего развития ряда исконных положительных традиций каракалпакского народа — его трудолюбия, гостеприимства и т. д. В то же время Коммунистическая партия с первых дней установления советской власти в Кара-Калпакии повела активную борьбу против отрицательных традиций и вредных обычаев; благодаря этой воспитательной работе совершенно изжиты, например, архаический обычай «каранги-конак», отражающий следы группового брака, обычай насильственной выдачи девушек замуж и другие. Однако многие традиции старого быта каракалпakov еще сильны, отрицательно отражаясь, в частности, на семейно-брачных отношениях. Несмотря на запрещение советским законодательством калыма, он еще встречается в замаскированной форме. Очень большое место в быту занимают обряды, связанные с похоронами и поминками, при которых соблюдается обязательное правило резать большое количество скота для угощения родственников и гостей. Представители мусульманского духовенства в сельских местностях — муллы и ишаны — требуют непременно соблюдения этих обрядов. Некоторые семьи для этой цели одалживают скот или покупают его на базарах и потом годами не могут рассчитаться со своими долгами, вызванными традиционными многократными угощениями на похороны и поминки. Не меньший материальный ущерб наносит семьям колхозников соблюдение многих свадебных и других обрядов и обычаев (например,

² Доклад Г. П. Снесарева публикуется в настоящем номере журнала.

обрезания), сопровождающихся ритуальными, иногда многодневными обильными угощениями (тоями) и подарками. Отрицательное влияние бытовых пережитков сказывается и в производственной жизни, в частности, в неравномерном и иногда несправедливым распределении труда между мужчинами и женщинами в колхозах.

Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, вынесенные в 1956 г. на основе решений XX съезда КПСС об улучшении благосостояния трудящихся нашей страны, заключил докладчик, создали новые предпосылки для искоренения пережитков прошлого в быту. Аульный актив, руководители колхозов, аульная интеллигенция, в частности учителя, должны использовать эти предпосылки для активной борьбы со старыми традициями и суевериями. Этнографы также должны активнее включиться в это исключительно важное дело.

О. А. Сухарева (АН УзССР) выступила с докладом «О некоторых элементах суфизма, генетически связанных с шаманством». Она отметила, что для суфизма, как религиозного течения, характерной чертой является его синкретизм; в суфизм вошли и получили дальнейшее развитие многие элементы древних культов и обрядов, сложившихся на низших ступенях культуры; они сохранились в суфистской практике до последнего времени. Доклад посвящен анализу тех элементов суфизма, которые восходят, по мнению автора, к шаманству. О. А. Сухарева, используя обширный этнографический материал, описала пережитки шаманства в Средней Азии, придя к выводу о том, что именно от шаманства унаследованы такие элементы суфизма, как сексуальное избрничество: мистическое слияние с божеством изображалось в суфийских сочинениях как слияние с возлюбленной. Не менее ясна близость суфийских радений и шаманского камлания. Основной сближающей их чертой является экстатическое состояние и понимание его как средства вступать в непосредственное общение с нереальным, «потусторонним» миром воображаемых духов. Как полагает О. А. Сухарева, близость суфийской идеологии и обрядности к широко бытовавшим в Средней Азии пережиткам древних верований — и в первую очередь к шаманству — была одной из основных причин, обусловивших распространение в прошлом суфизма среди широких масс.

В открытых затем прениях выступило более 10 человек. Е. А. Давидович и М. Р. Рахимов остановились на разборе доклада Н. А. Кислякова; отметив интересный подход автора к разработке новой теоретической проблемы, они вступили с ним в спор по поводу некоторых вопросов землеустройства и землепользования в восточных и западных областях Бухарского ханства. Я. Р. Винников высказался по поводу докладов Т. А. Жданко и Г. П. Снесарева, которые, как он считает, дополняют друг друга в трактовке проблемы консервации патриархальных пережитков в земельно-водной общине. Он высказал желание распространить полевые исследования по этой теме на другие группы населения нижнего течения Аму-Дарьи, в частности на туркменское. О. А. Сухарева, выступив по докладу Т. А. Жданко, отметила правильность и перспективность найденного автором пути к проникновению в социально-экономическую сущность полукочевой общины. Анализ небольших ячеек общества — родственных групп и семей, использование большого количества «семейных хроник» дают важный материал для понимания основных вопросов жизни среднеазиатского общества. В связи с этими исследованиями надо поставить вопрос об оценке значения общины и ее пережитков в современной действительности. Среди историков Узбекистана имеются разногласия по этому вопросу.

С. П. Толстов отметил правильность одновременного обсуждения докладов по обоим проблемам, затрагивающим вопросы патриархальных и религиозных пережитков в Средней Азии. Однако, сказал он, патриархально-феодальные отношения не везде имеют одинаковый характер. Собственно патриархально-феодальные отношения характерны для кочевых и полукочевых народов, а также для некоторых земледельческих народов, обитающих в изолированных горных районах, где специфические экономические условия не способствовали свободному развитию феодализма. Они встречаются не только в Средней Азии (например, у горных таджиков), но и на Кавказе и в Западной Европе (горные шотландцы, черногорцы). Феодализм здесь не преодолел древних пережитков, и, больше того, сами феодалы были вынуждены использовать и укреплять эти пережитки. Другое дело — сохранение патриархальщины у народов, на протяжении тысячелетий проходивших стадию развития феодальных отношений, как, например, узбеки и таджики Хорезма, западной Бухары и других центральных районов Средней Азии. Здесь мы имеем дело уже не с господством патриархально-феодальных отношений, а с патриархальными пережитками, как бы гнездами патриархальщины, существовавшими в рамках феодального общества. Несмотря на некоторое совпадение терминологии, эти явления надо различать. Продолжать исследование пережиточных явлений в быту необходимо, так как угнездившиеся в порах семейной жизни пережитки феодализма и патриархальщины еще сохраняются и служат почвой для тех явлений, о которых говорилось в заслушанных докладах.

Доклады М. Р. Рахимова, Г. П. Снесарева, С. Камалова и О. А. Сухаревой вызвали особенно высокую активность аудитории. Все выступавшие приветствовали тот факт, что этнографы приступили к исследованию важного в научном и практическом отношении вопроса о бытовых и религиозных пережитках. Эти стороны современного быта народов, сказал А. М. Беленицкий, в последние годы не изучались этнографами, которые занимались преимущественно исследованием нового быта. То обстоятельство, что на обсуждение ставятся доклады по временно забытой, но жизненно важной этно-

графической проблеме о пережитках, следует расценивать весьма положительно. Примером служит доклад С. Камалова, основанный на реальных наблюдениях, сделанных им в гуще жизни. Такого рода исследования надо доводить до печати, чтобы они сыграли свою роль в практической, культурной и пропагандистской работе. А. К. Писарчик (АН ТаджССР) также выразила удовлетворение постановкой данной проблемы на обсуждение совещания, по ее мнению первого за ряд лет, на котором открыто и серьезно ставится вопрос о том, насколько еще сильны пережитки в быту сельского населения. Важными причинами сохранения их в быту горных таджиков являются слабое внимание школы, учительства к этим вопросам и недостаточная организация медицинской помощи в отдаленных горных районах. Я. Р. Винников заметил, что в докладах, особенно С. Камалова, не показано, какие мероприятия по борьбе с пережитками проводятся в республиках. Смелее и глубже нужно исследовать причины бытования пережитков прошлого; публикация таких материалов окажет большую практическую помощь советским, партийным и профсоюзным организациям в борьбе за изживание этих вредных бытовых явлений. Д. Е. Хайтун (Сталин-абадский гос. ун-т) сообщил о наличии многих пережитков в быту городского населения Таджикистана, даже в среде интеллигенции. С. П. Толстов высказался в пользу того, что в некоторых случаях, помимо пропаганды научно-материалистических знаний, надо принимать и меры организационного воздействия; нельзя считать нормальными те факты, о которых рассказывал Г. П. Снесарев по поводу существования культа пиров — покровителей ремесла — в среде современных ремесленников, объединенных промкооперацией. Наша общественность обращает на это недостаточно внимания; между тем, еще Ленин указывал, что там, где коммунисты что-нибудь упускают, это сейчас же используется враждебными силами. Необходимо продолжать исследование в данной области, доводя их результаты до сведения широкой общественности не только путем научных публикаций, но и путем разъяснительной работы непосредственно в массах населения.

Доклад О. А. Сухаревой, по которому высказались А. А. Семенов, А. М. Беленицкий, Д. Е. Хайтун, М. И. Лившиц, С. П. Толстов и другие, вызвал ряд возражений. Выступавшие отметили, с одной стороны, что сексуальное избраннычество, вопрос о котором явился центральным в докладе О. А. Сухаревой, отнюдь не является основой именно шаманства, как и суфизма, — это широко распространенное явление; с другой стороны, нельзя согласиться с вытекающим из доклада положением о том, что суфизм по своему происхождению связан с шаманством. Суфизм — крупное и сложное по своему содержанию идеологическое течение и рассматривать его следует с учетом всей его длительной и хорошо изученной истории, всех предшествовавших ему религиозных направлений, в первую очередь — у иранских народов. Несомненно, что в Средней Азии это религиозное течение впитывало самые различные отголоски древних верований. Но этот вопрос надо строже ограничивать от вопроса о происхождении суфизма. Участники совещания признали, что в интересном докладе О. А. Сухаревой подняты важные проблемы, в частности — о причинах распространения суфизма и мистического сектанства в степных и горных районах у народов, долго сохранявших патриархально-феодалные отношения. С. П. Толстов выразил сожаление, что об этом докладчик упомянул лишь вскользь. Он полагает, что наличие шаманизма у кочевников действительно могло способствовать тому, что суфийское учение в его наиболее вульгарных сектантских формах широко распространилось в степях. Однако эта проблема требует специального изучения.

Проблеме «Общественный строй степных племен Средней Азии в античный период» были посвящены доклады М. П. Грязнова и С. П. Толстова.

М. П. Грязнов (ЛОИИМК) прочел доклад на тему «Связь кочевников Южной Сибири с народами Средней Азии и Ближнего Востока в первом тысячелетии до н. э.». В период, предшествовавший переходу степных пастушеских племен к кочевому образу жизни, сказал докладчик, в Средней Азии, Казахстане и Южной Сибири существовали два типа археологических культур или, скорее, две большие этнические группы их носителей: племена с культурой андроновского, а затем замараевско-карасуского типа и племена с культурой позднеананаского типа. Первые — жители степей, лесостепей и горно-степных районов — развивали у себя пастушеское скотоводство, основанное на использовании естественных пастбищ близ их поселений, вторые занимались земледелием, основанным на искусственном орошении, и культура их связана с «вековой» оседлостью. Носители обеих культур в пограничных областях обитали рядом, но не смешивались, что объясняется различной основой их хозяйственной жизни. Между этими двумя этническими группами существовал обмен, который, однако, еще не нашел достаточного отражения в имеющемся археологическом материале. Позднее, в VIII—VII вв. до н. э., оседлые пастушеско-земледельческие племена переходят к кочевому образу жизни, их благосостояние увеличивается, выделяется племенная и родовая знать, общественный строй характеризуется чертами военной демократии. Значительно увеличились возможности связей с другими кочевыми и некочевыми племенами. На юге, в районах оседлого земледелия, формируется рабовладельческое общество, а сложение торговли и ремесла в рамках этого общества тоже способствует развитию связей и обмена. Через среднеазиатских кочевников многие изделия земледельцев Средней Азии и Ближнего Востока и культурные влияния их широко распространились среди степных кочевых племен Сибири, Казах-

стана и Восточной Европы. В погребениях племенной знати кочевников на Алтае и в приалтайских степях найдено довольно много предметов, доставленных в Южную Сибирь из Средней Азии или через Среднюю Азию, в том числе бархатный ковер, изготовленный, видимо, в Иране. Попадали эти вещи в Сибирь путем обмена, торговли, в качестве военных трофеев, приданого невесты, в качестве даров и т. д. Кроме того, в Южной Сибири появляются отдельные орнаментальные приемы и изображения, явно связывающие культуру ее населения с среднеазиатским миром (это в первую очередь относится к распространению такого сюжета, как грифон). Докладчик предполагает, что в этом случае Средняя Азия выступала в роли посредника, причем культурные заимствования распространялись, видимо, и путем непосредственного общения сибирских кочевников с среднеазиатскими народами. Хотя эти заимствования и обогатили культуру кочевников Южной Сибири, она тем не менее оставалась вполне самобытной.

Доклад С. П. Толстова «Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным» был посвящен ряду спорных вопросов, связанных с изучением общественного строя этих племен, взаимоотношений их с оседлым земледельческим населением и т. д. Если сейчас совершенно бесспорным представляется господство рабовладельческого строя на территории древнейших среднеазиатских государств в VII в. до н. э.—V в. н. э., то относительно общественного строя их соседей — кочевых племен существует множество точек зрения, причем слабая изученность археологических памятников, принадлежащих кочевникам, задерживает решение этой проблемы. Хорезмская экспедиция за последнее десятилетие собрала значительный материал, освещающий хозяйственный быт и общественный строй степных племен периферии древнего Хорезма. В частности, исследованию были подвергнуты развалины Джеты-Асар на Куван-Дарье, болотные городища Казалинского района, комплексы Чирик-Рабат и Бабиш-Мулла на Жаны-Дарье, Барак-там в низовьях Акча-Дарьи, Куюк-кала в Приаральской дельте, Игды-кала на Узбое. Еще в первобытную эпоху, в бронзовом и раннежелезном веках, в хозяйственном развитии территории древнего Хорезма имелись два направления. В центральных районах оазиса, в Южной дельте Акча-Дарьи, широко развивается ирригационное земледелие, в то время как в Северной дельте Акча-Дарьи, в Присарыкамьшской дельте и на Жаны-Дарье сохраняется комплексное охотничье-рыболовное и земледельческое хозяйство с ведущей ролью пастушеского скотоводства. В результате на юге складывается крупное примитивно-рабовладельческое государство, а на севере, на изменчивых и затухающих протоках Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, формируется кокча-тенгизская культура апасиакских и других скифо-массагетских племен, сохраняющих традиции бронзового века. Однако выявленное нами наличие у них металлургии железа, а также свидетельства письменных источников дают возможность полагать, что эти племена, объединенные в военные союзы, сохраняя развитый патриархально-родовой уклад, постепенно втягивались в рабовладельческую экономику. Последующий период истории Хорезма (IV в. до н. э.—I в. н. э.) характеризуется, с одной стороны, все более резким различием в культуре северных и южных областей, с другой, — ростом экономических и культурных связей между ними. Со II в. до н. э. в керамике Хорезма появляются «варварские» черты, а на севере, в низовьях Сыр-Дарьи и Жаны-Дарьи, все чаще встречаются хорезмийские приемы в строительном деле и керамическом производстве. Так, поздний комплекс Чирик-Рабата был построен хорезмийскими мастерами, Бабиш-Мулла является крупным ремесленным центром, производившим хорезмийскую керамику. В кушанское и кушано-афригидское время (II—V вв. н. э.) связи между указанными областями упрочиваются. Памятники этой эпохи говорят о наличии резкой социальной дифференциации внутри кочевых племен. Примерами могут служить богатые погребения на Джеты-Асарах, а также замок Барак-там, являющийся резиденцией одного из представителей местной знати. Постройка домов местной знати и керамическое производство были делом рук, прежде всего, хорезмских и местных рабов. Таким образом, возникшее еще в древности в связи с географическими условиями разделение труда между земледельцами оазиса и полукочевниками окружающей пустыни развивалось в обстановке сложных хозяйственных, политических и культурных взаимоотношений между теми и другими. У полукочевых племен также развиваются рабовладельческие отношения, которые не вытесняют патриархально-родовых порядков и достигают своего расцвета лишь тогда, когда в земледельческом оазисе уже намечается переход к высшей, феодальной системе хозяйства. Кризис рабовладельческого Хорезма, в разрешении которого крупную роль сыграло вторжение окружающих «варварских» племен, повернул дальнейшее развитие этих племен с так и не получившего своего завершения патриархально-рабовладельческого пути на новый, патриархально-феодальный путь развития.

По проблеме «История ирригации и земледелия у народов Средней Азии» с докладом на тему «Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии периода поздней бронзы и железа» выступил Ю. А. Заднепровский (ЛЮИИМК). Наиболее ранними из известных нам поселений эпохи бронзы являются Чустское и Дальверзинское. Работы на Дальверзинском селище, проводившиеся докладчиком в 1952, 1954 и 1956 гг., позволили выявить два слоя, причем нижний дал материал, сходный с чустским, плюс остатки каких-то стен; верхний датируется более поздним временем, судя по находкам железного ножа и шила. Ко времени верхнего слоя относится и появление здесь укреплений из сырцового кирпича

крупных размеров. По аналогии с Чустом нижний слой датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э., верхний — VIII—VI вв. до н. э. Отдельные находки расписной керамики были обнаружены в ряде пунктов Ферганы. Это дает основание докладчику говорить о существовании здесь в эпоху поздней бронзы самостоятельной чустской культуры, подвергшейся влиянию земледельческой культуры типа Анау, но отнюдь не являвшейся ее составной частью.

Следующий этап в развитии культуры древней Ферганы — эйлатанский (IV—III вв. до н. э.). Эйлатанское городище, судя по его плану, было укрепленным бесци-тадельным поселением-убежищем с постоянными постройками и загонем для скота. Параллельно поселениям этого типа в это же время возникают такие крупные укреп-ленные города, как Мерв (Гяур-кала), Самарканд, Балх. Появление в середине I ты-сячелетия до н. э. укрепленных поселений в Фергане знаменует переход от бес-классового общества к классовому и начало сложения здесь государственности. В области материальной культуры следует отметить бытование своеобразной рас-писной керамики эйлатанского типа. Далее следует шурабашатский период в истории Ферганы (III—I вв. до н. э.), получивший свое название по развалинам городища Шурабашат. Городище это многослойно. Выявлено четыре периода в его истории, из которых три относятся к античному времени, четвертый — к средневековью. Рас-цвет жизни на городище относится ко второму периоду его существования (III—I вв. до н. э.), который характеризуется сочетанием расписной и красноангобированной керамики. Материал такого же типа дает и Ак-Тамский могильник (раскопки Б. Гамбурга и Н. Горбуновой). Третий период Шурабашата относится к первым векам н. э.

Наибольшего развития оседлые поселения в Фергане достигают в следующий — мархаматский период (I—III вв. н. э.). Поселения этого времени распространяются повсеместно, но особенно много их в восточной и южной Фергане. Там появляются города, представлявшие собой административно-политические и торгово-ремесленные центры, что является показателем уже сложившегося классового общества. Происходят значительные изменения и в облике материальной культуры.

Очевидно, что все эти этапы в истории Ферганы были связаны с этапами разви-тия здесь ирригационного земледелия.

Далее совещание заслушало серию докладов, посвященных археологии и этнографии Таджикистана. В своем вступительном слове директор Инсти-тута истории, археологии и этнографии АН ТаджССР А. А. Семенов, кратко оха-рактеризовав историю развития археологической и этнографической науки в Таджики-стане, остановился на сделанных в этой области успехах и наметил дальнейший план работ.

С докладом «Каменный век Таджикистана (к итогам работ 1948—1956 гг.)» высту-пил А. П. Окладников (ЛОИИМК). До 1948 г., сказал он, на территории Таджики-стана были обнаружены лишь отдельные находки каменных орудий, которые не под-давались точной датировке. Работы С. Н. Замятина (1943 г.) по обследованию пещер в районе Сталинабада и в других местах не дали ожидаемых результатов. Проведенные докладчиком поиски стоянок каменного века на древних речных террасах по-зволили выявить ряд памятников каменного и бронзового века как на юге, так и на севере республики. Древнейшие находки, датируемые ашельско-мустьерским временем, были обнаружены в долине Сыр-Дарьи, в Кайрак-Кумах. Они делятся на два комплек-са. Первый, условно названный «порфириновым», содержит грубые массивные нуклеу-сы, широкие и массивные отщепы и пластины, такие же остроконечники и ручное руби-ло ашельского типа. Второй комплекс представлен изделиями из кремнистого извест-няка. К мустьерскому времени относятся находки в долине р. Исфары, в местности Ходжи-Гор. Верхний слой поселения Ходжи-Гор дал прекрасный верхнепалеолитиче-ский или раннемезолитический комплекс, содержащий призматические нуклеусы, диско-видные и концевые скребки, острья с затупленным краем. Поздний мезолит представ-лен местонахождениями типа Чиль-Чор-Чашма. Для них характерна «микролитиче-ская» техника изготовления кремневых орудий в виде сегментов, трапезий, треуголь-ников и т. д. К неолитическому времени и последующему этапу ранней бронзы долж-ны быть отнесены многочисленные памятники гиссарской культуры (III—II тысячеле-тия до н. э.). Это были поселения земледельцев и скотоводов, широко пользовавшихся каменными орудиями.

Таким образом, работами 1948—1956 гг. был отчасти заполнен пробел, существо-вавший до сих пор в изучении археологии Таджикистана.

Той же тематике был посвящен доклад В. А. Ранова (АН ТаджССР) «Первые памятники каменного века на Памире». Остановившись на истории археологического изучения Восточного Памира, связанной с именем А. Н. Бернштама, докладчик пере-шел к характеристике сделанных им там находок, датируемых каменным веком. Наи-более крупная стоянка — Каратумшук была обнаружена на нижней террасе р. Ак-Су, к северу от поселка Тахамыш. Докладчик датирует ее верхним палеолитом — ранним неолитом, отмечая в то же время сходство ее инвентаря с материалами гиссарской культуры (III—II тысячелетия, по А. П. Окладникову). В. А. Ранов высказал пред-положение, что в эпоху верхнего палеолита и в неолите ряд районов Таджикистана был заселен носителями культуры, генетически связанной с восточноазиатской областью каменного века. Находки на Памире, близкие к этому кругу, являются, возможно, свидетельством определенного этапа передвижения центральноазиатских племен

каменного века на запад, причем в этом случае памирские материалы могут быть несколько более ранними по времени, чем находки в центральном Таджикистане. Наконец, работы на Восточном Памире поднимают «вертикальную зону» распространения позднепалеолитического человека на высоту свыше 4000 м над уровнем моря.

Доклад Б. А. Литвинского «Памятники эпохи бронзы и раннего железа» был посвящен открытию новых культур на юге Ферганы. В 1954 г. А. П. Окладников обнаружил в Кайрак-Кумах около двух десятков поселений бронзового века; работы в этом районе были продолжены докладчиком в 1955—1956 гг. Памятники располагаются в прагобережной части таджикистанских Кайрак-Кумов, на первой и главным образом на второй террасе Сыр-Дарьи, причем были обнаружены стоянки как эпохи бронзы, так и раннего железа. Большинство стоянок развезено, и керамика, бронзовые и каменные изделия лежат прямо на такыре, но в виде четко выраженных комплексов. Керамика по типу близка керамике андроновской культуры, в меньшей степени — керамике первого этапа срубной культуры Поволжья. Значительная ее часть относится к эпохе развитой бронзы. Основные орнаментальные мотивы — зигзаг и треугольник. Орнамент наносился при помощи гребенчатого штампа, был распространен и прочерченный орнамент, реже встречается ямочный. Более поздний керамический комплекс находит себе аналогии в изделиях позднейших этапов андроновской культуры Казахстана, Приуралья, в позднесрубной, предскифской и раннескифской керамике. Интересен найденный здесь сосуд чустского типа со следами росписи в виде заштрихованных треугольников.

При элементах сходства кайрак-кумской материала с материалами бронзового века среднеазиатских степей он все же имеет специфические черты, что дает докладчику основание говорить о выделении особой, кайрак-кумской, культуры. Культуру раннежелезного века он называет яксартской (сакской).

Район этот был крупным рудоплавильным центром. Уникальными являются находки форм для отливки вислообушного топора с гребнем и вислообушной гребенчатой кирки. Кроме того, здесь найдены различные бронзовые изделия, а также многочисленные каменные наконечники стрел с двусторонней обработкой отжимной ретушью.

Более позднему этапу в истории Таджикистана был посвящен доклад А. М. Беленицкого «Раскопки в Пянджикенте». В докладе подробно освещены работы, проводившиеся в 1956 г. на городище древнего Пянджикента, в восточной части шахристана, где раскапывались объекты III, VI, XIII, причем в результате раскопок выяснилось, что последние два объекта представляют собою единый массив (квартал) города. Важное значение имеет открытие стенных росписей в помещении № 41. Поверхность стены разделена на четыре яруса, из которых три нижних сохранились на всю высоту, а верхний почти не сохранился. Особый интерес вызывает роспись второго снизу яруса. На открытых участках северной и южной стены развевается композиция, состоящая из ряда эпизодов, в которых участвуют в различных комбинациях одни и те же персонажи; сюжет мифологический. Центральные эпизоды изображают борьбу героя с чудовищем — дэвом или драконом, представленным в виде гибридного существа с головой льва, человеческой (женской) половиной туловища, хвостом змея и крыльями. Сцены нанесены на великолепный ультрамариновый фон. На открытой части стен обнаружены четыре многострочные надписи на согдийском языке. На III объекте при раскопках зала, погибшего от пожара, была обнаружена почти полностью сохранившаяся деревянная резная колонна. Особо следует отметить находку крупных налепов в виде женской и мужской головок, причем последняя украшена венком из виноградных побегов — мотив, довольно неожиданный в мелкой скульптуре кануна арабского завоевания. Уникальна находка бронзовой печати с надписью на согдийском языке, по-видимому, с именем и титулом владельца дома.

Этому же историческому периоду, эпохе кануна арабского завоевания, был посвящен доклад Н. Н. Негматова «Раскопки в Шахристане». Городища Шахристан I и Шахристан II расположены к западу от районного центра Шахристан, на левом (западном) берегу Шахристан-сая, у отрогов гор. Первое городище окружено одинарными стенами (удвоена лишь часть западной стены у ворот) с башнями, в восточной его части — арк; второе с запада и юга обведено двойными, а с севера и востока одинарными стенами. В восточной части городища обнаружены развалины замка местного правителя. Раскопки этого здания показали, что оно состояло из трех последовательно повышающихся ярусов, вход в которые осуществлялся при помощи пандуса. Верхний ярус состоял из четырех помещений и являлся парадной частью здания. Крупные центральное и западное помещения имели суфы (лежанки), а западное — и обогревательную вымостку посередине. Стены были украшены многоцветной сюжетной росписью, которая по своему стилю очень походит на живопись Пянджикента и Варахши. Деревянные потолки и колонны были украшены резьбой в геометрическом, растительном и фигурном стиле, ближайшие аналогии которой дает Пянджикент. Замкнутое южное помещение было хранилищем домашней утвари, а через северное был проложен ход на пандус. Средний и нижний ярусы здания являлись хозяйственной частью дома, здесь были кухня, комната для челяди; помещение нижнего яруса, связанное широким проемом с двором, являлось своеобразной кладовой. Замок с его обширным двором служил для окрестного населения убежищем при nepřиятельных набегах. Городище Шахристан II легко датируется VII—VIII вв.

Судя по следам сильного пожара и находке под сводами узкого коридора пандуса 67 скелетов, преимущественно женщин и детей, замок погиб в результате военной катастрофы, причем докладчик связывает его гибель с арабским нашествием.

По вопросам этнографии Таджикистана были заслушаны два доклада. С. В. Иванов (Ин-т этнографии) в докладе «О некоторых традициях согдийского декоративного искусства в орнаменте таджиков и узбеков» показал, как достижения советской археологии, раскрывающие богатейшую культуру древнего населения Средней Азии, проливают новый свет на историю народного искусства. Докладчик проанализировал некоторые орнаментальные мотивы в искусстве таджиков и оседлых узбеков и три группы этих мотивов — простейшие геометрические, встречающиеся в резьбе по дереву и гипсу, мотив аркады, распространенный на ободке медной посуды, и различного рода круги, особенно характерные для вышивки узбеков, — сопоставил с орнаментацией на предметах согдийского искусства и архитектуры, что позволило ему установить тесную связь декоративного искусства таджиков и узбеков с художественными традициями, унаследованными от согдийцев.

Доклад А. К. Писарчик (АН ТаджССР) имел информационный характер. Она сообщила о большой работе, предпринятой этнографами Таджикской Академии наук по публикации, под редакцией докладчика, научного архива покойного этнографа М. С. Андреева, в частности о подготовленном к печати 2-м выпуске его труда «Таджикские долины Хуф», содержащем главы, освещающие хозяйственный быт, материальную культуру и народные знания хуфцев.

Прослушанные доклады вызвали оживленные прения. Все выступавшие указали на большой интерес, вызываемый работами в области первобытной археологии Таджикистана. М. П. Грязнов отметил прекрасно проведенную Б. А. Литвинским документацию при работах в Кайрак-Кумах, что было особенно важно, так как стоянки развезены и материал фактически подъемный. Но он не согласился с докладчиком в вопросе о выделении особой кайрак-кумской культуры эпохи бронзы, считая, что для этого еще не хватает материала. Вызывает его возражения и выдвинутая Б. А. Литвинским гипотеза о передвижении некоторых кочевых групп на запад в первой половине I тысячелетия до н. э.

Большое впечатление на собравшихся произвели сообщения о раскопках в Пянджикенте. Остановившись на вскрытой там росписи, А. А. Семенов сообщил, что изображения дракона встречались в Средней Азии вплоть до XIX в. Так, лет 60 тому назад в одном из частных музеев Бухары был экспонирован бумажный змей; таких змеев, по рассказам, в определенное время под звуки бубнов и барабанов носили по улицам, а затем выносили за город и сжигали. В. А. Шишкин отметил, что за последние годы на территории Средней Азии выявлено множество памятников монументальной живописи, причем удастся установить значительную протяженность ее во времени. Если раньше росписи Варахи выделялись своим мастерством, то после открытий в Пянджикенте этого уже сказать нельзя, ибо здесь мы встречаем тот же блестящий рисунок, декоративное чутье, яркий колорит. Это великолепное искусство нельзя, конечно, рассматривать изолированно, — помимо местной традиции здесь участвовали и зарубежные компоненты. С другой стороны, едва ли можно сомневаться, что замечательное искусство среднеазиатской росписи оказало влияние на искусство не только Восточного Туркестана, но и Китая.

С. П. Толстов коснулся ряда вопросов, затронутых в прослушанных докладах. Говоря о раскопках в Пянджикенте, он высказал предположение, что роспись с драконами отражает один из эпизодов древнего эпоса о Рустаме. Работы в Пянджикенте, так много давшие и так много обещающие, несомненно, требуют максимальной механизации. С. П. Толстов говорил об имеющихся фактах уничтожения исторических памятников в связи с распахивкой полей или изготовлением кирпича и призвал археологов решительно бороться с такими явлениями, тем более, что партия и правительство в этих вопросах всецело идут навстречу требованиям науки.

С. П. Толстов согласился с выделением кайрак-кумской культуры как самостоятельной. Говоря о работах в области палеолита, он предостерег А. П. Окладникова и В. Н. Ранова от поспешных заключений о том, что среднеазиатский, в частности таджикстанский, палеолит связан с палестинским. Вызывает возражения предположение М. П. Грязнова о возможном иранском происхождении пазырыцкого ковра. Этнографические параллели дают возможность утверждать, что его орнаментальные мотивы в несколько измененном виде и сейчас живут в туркменском ковровом искусстве. С другой стороны, фриз одной из зал Топрак-калы (III в. н. э.) содержит изображения оленей и грифонов, очень похожих на пазырыкские. Видимо, эти мотивы родились в среде приаральских массагетских племен, принесших их в Пазырык. В Иране же ничего подобного им нет. Скорее всего, на Алтай это искусство попало именно из Средней Азии. Происходит то же, что и с сасанидским металлом, который приписывали Ирану, а значительная часть его оказалась среднеазиатского происхождения.

Поднятый С. П. Толстовым вопрос об охране памятников вызвал многочисленные выступления. Д. А. Зимберт, инспектор по охране памятников (УзбССР) сообщила, что исторические памятники находятся в ведении различных организаций и это сильно затрудняет осуществление надзора. Она предложила поставить вопрос о создании специального комитета по охране памятников (причем в его составе должны быть и представители местных музеев) и упрекнула археологов академических учреждений в том, что они лишь осуществляют раскопки, а в борьбе за сохранение памятников от унич

тожения не участвуют. Возражая, Т. А. Жданко рассказала о большой практической работе, которую ведет Хорезмская экспедиция АН СССР по охране памятников. Б. А. Литвинский призвал совещание к принятию решительных мер по охране памятников. Он рассказал о том, как одно из ведомств разрушило Термезский дворец, чтобы построить на этом месте дувал. Таких фактов, к сожалению, можно привести много. «Мы не должны бездействовать, когда разрушается то, что принадлежит народу», — заключил Б. А. Литвинский.

Некоторые выступления были посвящены методике проведения работ и отдельным организационным вопросам. А. М. Беленицкий поставил вопрос о необходимости организации совместных работ по исследованию проблем, интересующих все республики Средней Азии. Проведение археологических работ с учетом современного административного деления является препятствием для действительно научной разработки тех или иных вопросов. Показателем в этом отношении пример с Ферганой, на территории которой совершенно самостоятельно ведут работы научные учреждения Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. Необходимо принять организационные меры для ликвидации этого ненормального положения. Положительным примером может служить деятельность Хорезмской экспедиции, которая ведет работы на территории Узбекистана, Туркмении и Казахстана, беря в основу своих исследований культурно-историческую область и не связывая себя рамками современного административного деления. Это предложение было поддержано В. А. Шишкиным, Б. А. Литвинским и другими археологами.

А. С. Кесь (Ин-т географии АН СССР) в своем выступлении остановилась на необходимости проведения совместных работ археологами и геоморфологами, особенно в тех случаях, когда речь идет об исследовании первобытных памятников. Данные геоморфологии позволяют археологам отчетливо представить себе природную обстановку, в которой жил человек в тот или иной период. С другой стороны, данные археологии помогают более точно датировать процессы рельефообразования, образования речных террас и т. д. Такое содружество полезно при изучении не только древней истории, но и средневековой. Примером может служить комплексное изучение Хорезмской экспедицией средневековых ирригационных сооружений на Сарыкамыше.

Выступление М. А. Итиной (Ин-т этнографии) было посвящено вопросу о необходимости проведения работ по изучению древних ирригационных систем, снабжавших водой тот памятник, раскопки которого ведутся. Сообщение Ю. А. Заднепровского об исследовании им земледельческих поселений Ферганы, сказала М. А. Итина, не дает возможности судить о той хозяйственной основе, на которой базировались эти поселения, именно потому, что он совершенно не упомянул об изучении источников и системы водоснабжения данного района.

Следующая серия докладов была посвящена вопросам разработки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. С сообщением «Опыт картографирования первобытных памятников древней Акчадарьинской дельты Аму-Дарьи» выступила М. А. Итина. Исследования Хорезмской экспедиции на древних руслах Аму-Дарьи, проводимые в течение последних лет совместно с Институтом географии, позволили не только выявить время и степень заселенности этой территории, но и непосредственную зависимость расселения первобытного человека от изменений в направлении древних русел и степени их обводненности. Картографирование стоянок и отдельных следов расселения первобытного человека на территории Акчадарьинской дельты позволило поставить вопрос о том, что в разное время здесь жили разные племена с различной хозяйственной основой. Значительная обводненность Южной Акчадарьинской дельты в эпоху неолита способствовала расселению здесь племен охотников и рыболовов, носителей кельтеминарской культуры (конец IV—III тысячелетие до н. э.). Во II тысячелетии, в эпоху бронзы, первобытное население осваивает уже и Южную и Северную дельты, что связано с усилившимся стоком вод Аму-Дарьи в Арал за счет сокращения стока в Сарыкамышское озеро. Возможно, с севера на юг шло продвижение тазабагьябских племен, центром расселения которых была Южная дельта.

К середине II тысячелетия на территорию Южной дельты проникают с юга носители суярганской культуры, часть которых продвигается по Акчадарьинскому коридору до южной окраины Северной дельты. Здесь они оседают и дают начало камышлинской культуре; при этом они образуют своеобразную «пробку», заставляющую население Южной и Северной дельт вести сношения между собой по западной окраине дельты, в обход коридора.

Тазабагьябские племена Южной дельты вначале сосуществуют с суярганскими, но вскоре суярганская культура совершенно подавляет тазабагьябскую и к XI—IX вв. до н. э. делается здесь доминирующей в своем позднесуярганском варианте. В Северной дельте позднесуярганская культура тоже существовала, но в ней дольше удерживались тазабагьябские элементы. К VIII—VII вв. до н. э. относится широкое распространение на территории Северной дельты, особенно в ее низовьях, стоянок скотоводов-кочевников с так называемой «варварской» керамикой. Распространение их именно на этой территории свидетельствует о том, что к этому времени лишь эта часть дельты была обводнена, что связано, очевидно, и с дополнительным подпитыванием ее водами Жаны-Дарьи.

Таким образом, картографирование стоянок и отдельных находок позволило вы-

явить сложную картину расселения племен на Акча-Дарье. Вместе с тем изучение топографии этих стоянок дало возможность выяснить основу хозяйственной жизни этих племен, а она была в разное время и в разных географических условиях различной. На смену кельтеминарцам — охотникам и рыболовам в Южную дельту приходят тазабагъябские племена, у которых уже развито земледелие и скотоводство. В Южной дельте в результате ее дренирования появляется возможность развития ирригационного земледелия, возникновение которого относится к концу II тысячелетия до н. э. В это время водный режим Северной дельты был сходен с режимом Южной в эпоху неолита, что и определило занятия населения. Здесь большую роль играли охота и рыболовство при наличии скотоводства и, вероятно, начатков земледелия. Дальнейшей задачей является продолжение данной работы с целью выявления сложных процессов расселения первобытных племен и племенных групп на территории Средней Азии в целом.

«Опыт картографирования гончарных печей» называлось сообщение М. Г. Воробьевой (Ин-т этнографии). Картографирование гончарных печей на территории Средней Азии позволило автору выявить распространение их на данной территории в период от эпохи бронзы до средневековья, причем в основу классификации положена их форма и конструкция. Использован, в основном, лишь материал публикаций, который, к сожалению, весьма скуден. При характеристике гончарных печей, помимо чисто формальных признаков, учитывалось их местоположение, что дало возможность судить о характере производства, о положении гончаров и т. д.

В Средней Азии и Казахстане гончарные печи эпохи бронзы зарегистрированы только на территории Южной Туркмении, на поселениях, относящихся к культуре Анау, куда они попали, вероятно, из более развитых ремесленных центров Передней Азии. В период сложения классового общества, во второй четверти I тысячелетия до н. э., гончарные печи распространились на территории Хорезма в той форме, в какой они бытовали в то время в Маргиане. Это двухрусные, круглые, овальные или грушевидные в плане печи без опорного столба или перегородки. В дальнейшем форма их и конструкция удержались в Хорезме в течение всего античного времени и перешли в средневековье. Большой интерес представляет печь кушанского времени, раскопанная близ Уй-калы. Печи VI—VIII вв. немногочисленны, они зафиксированы лишь на территории Южной Туркмении и близ Самарканда и продолжают античные традиции уже этих районов. В средние века в районе Самарканда, Бухары и на территории Южного Казахстана появляется новый тип печей с неразделенными топочной и обжигательной камерами, не получивший распространения в Хорезме и Южной Туркмении. В XV в. в Хорезме появляется прямоугольная печь с арочным перекрытием, но она служит лишь для обжига кирпича (Талайхан-ата).

Сообщение Б. А. Литвинского было посвящено некоторым общим вопросам составления археологических карт для Среднеазиатского атласа. Он обратил внимание собравшихся на то, что сбор материалов для Атласа должен вестись не изолированно по отдельным республикам, а группой исследователей из разных республик, собирающих тот или иной материал по какой-либо из историко-культурных областей. Б. А. Литвинский перечислил темы, по которым может быть сгруппирован материал в отдельных выпусках Атласа.

Наряду с докладами, посвященными археологическим разделам Среднеазиатского атласа, были сделаны и этнографические. Был заслушан совместный доклад С. П. Русаковой и Е. И. Маховой (Ин-т этнографии) об их первом опыте картографирования материалов по одежде народов Средней Азии; доклад иллюстрировался картами распространения разных типов женской нательной рубахи-платья и двух типов верхней одежды — камзола. В докладе М. В. Сазоновой, подготовленном ею совместно с А. С. Морозовой и С. М. Лейкиной (Гос. музей этнографии, Ленинград), «Одежда народов Средней Азии и Казахстана в коллекциях ГМЭ» были охарактеризованы богатейшие собрания этого музея, которые должны лечь в основу подготавливаемого раздела Атласа о народном костюме Средней Азии. Специалисты музея, являющиеся членами авторского коллектива Атласа, практически уже начали работу над систематизацией и тщательным изучением этих коллекций. Краткое, но интересное сообщение, связанное с изучением народного костюма, сделала сотрудница Термезского музея В. С. Симонова на тему о женских головных уборах узбеков племени кунград. После нее выступила М. Ф. Каплунова — хранитель фондов Музея истории культуры и искусства УзССР в Самарканде. Она дала характеристику богатых коллекций этого музея, одного из старейших в Средней Азии, существующего с 1896 г., и выразила желание, чтобы коллектив сотрудников музея был привлечен к интересной работе над Среднеазиатским этнографическим атласом, в создании которого музей готов принять участие как своими экспонатами, так и силами своих работников. Затем совещание заслушало сообщение научного сотрудника Центрального музея Казахской ССР Н. А. Оразбаевой, которая охарактеризовала коллекцию музея применительно к возможности их использования для Атласа, уделив особое внимание описанию собрания ценных экспонатов резьбы по кости, хранящегося в этом музее. С разделами Атласа, посвященными хозяйству и народному жилищу, были связаны этнографические доклады: М. Айтаева (АН КиргССР) «К истории ирригации и земледелия у киргизов», в котором автор показал влияние русских крестьян-переселенцев на развитие земледелия у киргизов и обратное влияние киргизов на русских, заимствовавших у местных жителей приемы искусственного ороше-

ния, и В. В. Вострова (АН КазССР) «К истории развития оседлого жилища у казахов», в котором докладчику удалось проследить по литературным и полевым этнографическим материалам генезис основных типов жилища в Казахстане, со всем их разнообразием в строительном материале, планировке, форме печи и т. д., а также с теми резкими различиями, которые были обусловлены социальной средой. Серия докладов по Среднеазиатскому историко-этнографическому атласу была завершена докладом Я. Р. Винникова (Ин-т этнографии) «Об этнической карте Средней Азии и Казахстана».

После обсуждения этого цикла докладов участники совещания заслушали сообщения о предстоящей работе над Среднеазиатским томом серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии. Ответственный редактор тома С. П. Толстов призвал участников совещания к активному участию в создании тома, который на современном уровне развития исторической науки в Средней Азии и Казахстане должен явиться коллективным трудом специалистов-этнографов Института этнографии АН СССР и академий наук этих республик.

4 ноября была обсуждена и принята резолюция. После заключительной речи секретаря ЦК КП Таджикистана А. И. Имамова, отметившего плодотворные результаты обсуждения заслушанных докладов, совещание было закрыто.

Т. А. Жданко, М. А. Итина

РЕЗОЛЮЦИЯ ВТОРОГО СОВЕЩАНИЯ, ПОСВЯЩЕННОГО АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Второе совещание, посвященное изучению археологии и этнографии Средней Азии, состоявшееся 29 октября — 4 ноября 1956 г. в гор. Сталинабаде, успешно провело работу.

В совещании приняли участие более 50 делегатов и не меньшее число научных работников Таджикистана: представители Института этнографии и Института истории материальной культуры АН СССР, академии наук Таджикской, Казахской, Киргизской, Туркменской, Узбекской ССР, Таджикского государственного университета, Сталинабадского, Кулябского и Ленинабадского пединститутов, музеев Ленинграда, Сталинабада, Термеза, Самарканда, Ферганы, Андижана, Алма-Аты, Нукуса.

Совещание вызвало большой интерес у сталинабадской научной общественности и широких кругов интеллигенции.

На заседаниях присутствовало ежедневно свыше 100 человек. Всего было заслушано около 30 докладов и сообщений, посвященных следующим проблемам:

- 1) Общественный строй степных племен Средней Азии в античный период.
- 2) Патриархально-феодалные отношения у оседлых народов Средней Азии.
- 3) История ирригации и земледелия у народов Средней Азии.
- 4) Среднеазиатский город и ремесло.
- 5) Внешнеэкономические и культурные связи народов Средней Азии с другими странами.

6) Религиозные пережитки в мировоззрении и быту народов Средней Азии и их роль в современной жизни.

- 7) О разработке Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.

Следует с сожалением отметить, что из-за отсутствия основного докладчика по проблеме «История ирригации и земледелия у народов Средней Азии» — Я. Г. Гулямова (АН УзССР) и второго докладчика — В. М. Массона (ИИМК АН СССР) эта проблема не получила должного освещения. Не прибыл на совещание также один из основных докладчиков по проблеме «Общественный строй степных племен Средней Азии в античный период» — С. С. Черников (ЛОИИМК).

Участники совещания пришли к следующим выводам:

1. Совещание показало, что все выдвинутые для обсуждения проблемы действительно являются чрезвычайно актуальными. Доклады носили подлинно творческий характер. Они ввели в научный оборот новый материал и новую трактовку ряда вопросов.

Следует отметить весьма активное обсуждение докладов и широкую дискуссию, развернувшуюся по ряду проблем.

В процессе обсуждения выявилась необходимость дальнейшего углубленного исследования всех проблем, в частности, наряду с изучением внешних экономических и культурных связей народов Средней Азии с другими странами, проводить разработку истории взаимосвязей народов и племен Средней Азии между собой, а также с Сибирью, Восточной Европой и Кавказом.

2. Совещание показало, что актуальный вопрос о религиозных пережитках, впервые за длительный период времени поставленный на обсуждение научной общественности, был вполне своевременно выдвинут в качестве специальной проблемы.

Разработка этой проблемы, имеющей большое научное значение, приобретает особую важность в связи с актуальностью вопроса об атеистическом воспитании масс. Перед этнографами стоит серьезная задача создания научно-исследовательской базы для практической научно-атеистической работы.

Необходимо подготовить к изданию ряд популярных работ по религиозным и бытовым пережиткам.

3. Совещание отметило большую и плодотворную работу, проведенную археологами и этнографами Академии наук Таджикской ССР. Большой размах полевых работ удачно сочетается с оперативной публикацией материалов.

Совещание считает целесообразным с целью дальнейшего развертывания практических исследований создать в составе сектора археологии АН Таджикской ССР специальный кабинет нумизматики и превратить сектор археологии в сектор археологии и нумизматики.

Совещание особо просит АН Таджикской ССР обратиться в Правительство республики с предложением о широкой механизации археологических работ в Пянджикенте, что даст возможность проводить работы с гораздо большим размахом.

Совещание считает также необходимым еще шире развернуть собирание этнографических коллекций сектором этнографии Академии наук ТаджССР.

4. Совещание считает, что целесообразно расширить научное сотрудничество археологов и этнографов разных республик Средней Азии и Казахстана и, помимо совместного обсуждения проблем на среднеазиатских совещаниях, организовывать экспедиции, охватывающие историко-культурные области, расположенные в смежных республиках.

Наряду с этим необходимо дальнейшее расширение сотрудничества между археологами и этнографами (полевые работы, работа над Историко-этнографическим атласом).

5. В плане совместных работ должна занять особо важное место работа над составлением среднеазиатского Историко-этнографического атласа, с включением этой темы в планы всех академий наук среднеазиатских республик и Казахстана.

В связи с подготовкой атласа совещание признает необходимым:

а) подготовить и издать археологические карты республик и альбомы археологических памятников;

б) обратить внимание археологов и этнографов на необходимость ускорения темпов камеральной обработки полевых материалов и их публикации;

в) учитывая роль краеведческих музеев в подготовке атласа, снабдить все музеи программами сбора материалов по народной одежде, жилищу и другим темам; считать чрезвычайно важным проведение музеями работ по научной паспортизации старых коллекций, сбору и приобретению новых коллекций, тщательно подобранных и документированных;

г) обратить внимание языковедческих научных учреждений республик на необходимость усиления работ в области диалектологии и сбора материалов по терминологии и топонимике.

6. Просит правительства и академии наук Союзных республик Средней Азии и Казахстана включиться в подготовку тома «Народы Средней Азии» издаваемой Институтом этнографии АН СССР серии «Народы мира» и содействовать этому изданию путем привлечения к авторской работе специалистов-этнографов соответствующих республик и подготовки для тома в I квартале 1957 г. ряда небольших разделов о современном состоянии культуры народов Средней Азии (театрального, музыкального, изобразительного искусства, литературы, фольклора и др.) лучшими специалистами в области смежных с этнографией наук.

7. Совещание отмечает, что дело охраны памятников во всех республиках Средней Азии поставлено совершенно неудовлетворительно, многие важные памятники уничтожены или находятся под угрозой уничтожения.

Совещание считает необходимым обратиться в правительства соответствующих республик со следующими предложениями:

а) организовать республиканские комитеты по охране памятников культуры, предусмотрев необходимые штаты и средства для охраны памятников: для организации этих комитетов резко увеличить штаты и ассигнования, отдела по охране памятников Министерства культуры;

б) поставить вопрос о введении в законодательство республик Средней Азии более действенных статей, карающих за разрушение памятников;

в) предусмотреть исключение территорий, занимаемых археологическими памятниками, из площади земель колхозов, обратив их в государственный фонд.

Считать также необходимым:

а) усилить работу по учету и регистрации памятников культуры и наблюдению за их сохранностью;

б) привлечь внимание широкой общественности по охране памятников путем популяризации их значения и исторической ценности, издания путеводителей, иллюстрированных брошюр и т. д.

8. Обратиться к правительствам и академиям наук Союзных республик Средней Азии и Казахстана с просьбой уделить серьезное внимание необходимости ассигнования средств на приобретение этнографических коллекций, в первую очередь все более уходящих из быта предметов — инструментария ремесленников, образцов ремесленных изделий, прикладного искусства, старинной народной одежды, сельскохозяйственных орудий, утвари и др.

9. Привлечь внимание правительств Союзных республик Средней Азии и Казах-

стана к вопросу о необходимости принятия мер по сохранению всего богатства и разнообразия форм художественных традиций народного прикладного искусства — к созданию во всех республиках широкой сети художественных промартеей, а также художественно-ремесленных школ для передачи молодежи опыта народных мастеров.

10. Совещание отмечает, что в большинстве республик Средней Азии, несмотря на настоятельную необходимость, отсутствуют или не отвечают своему назначению музейные здания. Постройка специальных зданий — необходимое условие дальнейшего развития музейной работы.

11. Необходимо всемерно усилить подготовку кадров археологов и этнографов, особенно из местных национальностей. Особенное внимание следует обратить на неравномерное распределение специалистов по этнографии, в частности, на недостаточную обеспеченность этнографическими кадрами Туркменской ССР.

12. В целях обмена опытом и для помощи молодым научным работникам желательно издание сборника статей по методике археологических работ в Средней Азии, а также организация экскурсий на крупные археологические раскопки для ознакомления с памятниками.

13. Совещание признает крайне желательным издать необходимое в повседневной работе историков, археологов и этнографов собрание сочинений В. В. Бартольда, особенно вторую часть его работы «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», а также «К истории орошения Туркестана» и «Улугбек и его время», и первую часть труда В. Тизенгаузена «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды». Просить Президиум АН СССР поручить Институту востоковедения подготовить их к изданию.

14. Просить Издательство АН СССР издать труды Второго совещания, посвященного изучению археологии и этнографии Средней Азии, в счет лимита, выделенного для союзных республик.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ, ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ

С 17 по 22 декабря 1956 г. в Казани проходила конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья, организованная Институтом истории материальной культуры, Казанским филиалом Академии наук СССР и Государственным музеем Татарской АССР. В конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, автономных республик Чувашской, Мордовской, Марийской, Татарской, Удмуртской, а также других областей и республик Советского Союза.

Конференцию открыл председатель президиума Казанского филиала АН СССР акад. А. Е. Арбузов, который отметил большую роль ученых Казани и особенно Казанского университета в деле изучения истории многонационального Поволжья. А. Е. Арбузов приветствовал участников конференции и пожелал им плодотворной работы.

С большой речью выступил член-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков (Москва). Он осветил вопрос о современной археологической изученности Поволжья и остановился на задачах, стоящих перед археологами и этнографами в деле выяснения сложных этнокультурных связей многочисленных народов Поволжья и Приуралья.

На конференции было прочитано семь докладов на пленарных заседаниях. Кроме того, работало четыре секции: неолита, бронзы и раннего железа; средневековья; эпиграфики и нумизматики; этнографии. На этнографической секции было прочитано 15 докладов.

С докладом «Этнографические исследования материальной культуры русского населения Среднего Поволжья» выступил Е. П. Бусыгин (Казань).

Русское население, отметил докладчик, имеет сложную историю формирования. Археологические памятники и различные исторические источники свидетельствуют о наличии русских людей в районе Средней Волги, начиная с IX в. С середины XVI столетия идет интенсивное заселение Поволжья русскими из различных областей нашей страны. Анализируя материал, полученный в результате многолетних полевых исследований, автор утверждает, что русские пришли в Поволжье в основном из центральных районов России и с Верхней Волги. Обширность территории Среднего Поволжья, разнообразие природно-географических условий, различие путей, по которым шло его заселение, тесные отношения с местными коренными народами обусловили некоторые особенности в культуре и быте русских Поволжья. На рассматриваемой территории Е. П. Бусыгин выделяет пять этнографических районов и дает их краткую характеристику.

Доклад «К истории этнографического изучения народов Среднего Поволжья и Приуралья Музеем этнографии народов СССР» прочитала Т. А. Крюкова (Ленинград). В докладе показана большая собирательская и научно-исследовательская дея-